

Бессмертие по-битальски

Андрей АНИСИМОВ

ИИвин устало откинулся на спинку стула и хмуро уставился на сидящего по другую сторону стола битальца.

— Ничего не понимаю, — выдохнул он. — Датчик биометрии, который был вживлён в Бориса Хорохорина, передал, что его носитель умер. Какой смертью, сказать не могу, но то, что он мёртв, — сомневаться не приходится. Датчик сбоев не даёт. Все последующие за этим прискорбным событием пятеро суток, он, то есть датчик, передавал, что показатели активности его, то есть профессора Хорохорина, организма — нулевые. После этого сигнал пропал, но не в этом дело. Если человек был мёртв пять суток, едва ли он воскреснет. И в то же время вы утверждаете, что он и не умер.

— Конечно, не умирал, — заверил его биталец. — А как же может быть иначе?

— Хорошо, тогда где он сейчас?

— Понятия не имею. Где-то в городе. Так что не волнуйтесь.

— Ничего себе, не волнуйтесь! — воскликнул Ивин. — Человека,

видного учёного, столько времени проведшего на вашей планете, настигает смерть, возможно насильственная, а вы говорите: не волнуйтесь. Как давно вы его видели?

Биталец призадумался.

— С месяц назад, пожалуй.

— И за это время даже не поинтересовались, где он и как?

— Нет, а зачем?

— Дела! Вы же координатор... — Ивин замаялся, вспоминая имя этого битальца, которое всё время выскакивало у него из головы, — ... Птол. Ваша обязанность — следить за порядком в городе и обеспечивать безопасность его жителей. Пропал ваш гость, а вы и не чешетесь.

— Насколько я знаю, никто не пропал.

— Но Хорохорин-то не вернулся! — чуть ли не выкрикнул Ивин, теряя терпение. — Погиб где-то в ваших чёртовых джунглях. Все пять суток сигнал шёл из-за пределов города.

— С чего это вы взяли, что он погиб? — невозмутимо ответил на это Птол.

Ивин безнадежно всплеснул руками.

— Нет, это просто невозможно! Вы что, издеваетесь надо мной?

— И не думаю, — обиделся Птол. — Если вы не верите мне, зайдите к нему сами. Вы были у него дома?

— Нет, пока, — грубовато откликнулся Ивин. — Я, как только приземлился, сразу к вам. За разъяснениями.

— Ну, так загляните, — посоветовал биталец. — Насколько мне известно, он по сию пору обследует близлежащие леса, что-то собирает и носит к себе.

— Да уж загляну, — грозно пообещал Ивин. — Но отвертеться вам всё равно не удастся. Все эти уловки я знаю. Вы обещали обеспечить полную безопасность для любого землянина, находящегося в вашем городе. Так что отвечать придётся. — А разве я не выполнил своих обещаний?

Ивин поиграл желваками, наградив Птола ещё более недружелюбным взглядом.

— Ладно, — бросил он, поднимаясь со стула. — Потом поговорим.

Громко топая ботинками по натёртому деревянному полу, Ивин вышел из кабинета координатора, спустился вниз и оказался на мощёном булыжником тротуаре. Выйдя на улицу, Ивин первым делом бросил взгляд туда, где за крышами зданий виднелась головная часть его рейдера, потом повернул в другую сторону, внимательно рассматривая всё, что попадалось ему на пути.

Этот город именовался Таррета и был, как и все остальные битальские города, совсем небольшим: пять-шесть тысяч жителей, несколько административных зданий в центре, здание пожарного депо с вышкой, разбросанные там и сям магазинчики, торгующие всякой всячиной, и кварталы уютных домиков, утопающих в цветущих садах. В общем, городок как городок, очень приятный на вид, но Ивин видел в своей жизни ловушки и попривлекательнее. Между городами битальцев тянулись странноватые рельсовые дороги, реже — шоссейные, всё же

остальное пространство планеты занимали непролазные фантастические джунгли — настоящий рай для биологов. Поскольку Биталь была населена высокоразвитыми существами, планета автоматически становилась закрытой зоной с ограниченным доступом, однако Хорохорину удалось-таки уломать чиновников из Комитета по контактам, добившись разрешения на проведения здесь исследований. Битальцы, в свою очередь, были не против таких визитов.

Первоначально учёных было пятеро, но четверым пришлось вернуться: битальский воздух содержал в себе не только смесь основных газов, образующих его атмосферу, а ещё что-то, что вызывало аллергическую реакцию у большинства землян. Но и те, кто обладал иммунитетом к этому веществу, ежедневно подвергали себя опасности. Джунгли таили в себе массу неприятных сюрпризов, являющихся основной причиной трагических случаев на Битали. Не исключено, что Хорохорин тоже стал жертвой какой-то местной твари, но тогда зачем все эти увёртки? Хорохорин знал, на что шёл, подписал соответствующие бумаги, так что претензий, на самом деле, к битальским властям не было никаких. Ивин просто решил надавить на них, но, похоже, гнева людей, приходящих с неба, тут не боялись. Или не видели повода для беспокойства. Иначе говоря, они не врали, но тогда тут происходило что-то уж совсем непонятное.

Ивин свернул на одну из боковых улочек, ответвляющихся от широкого центрального проспекта, поглядывая на проезжающие мимо разноцветные трамвайчики. Он мог бы доехать на таком до нужного ему места меньше чем за пять минут, но предпочёл пройти это расстояние пешком, вглядываясь в лица прохожих и читая все вывески, которые попадались ему на пути. Чем больше информации он получит об этом населённом пункте и его обитателях, тем проще ему будет разбираться в произошедшем. Кроме того, требовалось

разбросать по округе побольше «жучков», чтобы держать под контролем как можно более обширную территорию. Его походный комплекс прекрасно справлялся с этой задачей, обеспечивая кроме чисто разведывательных функций и защитные. Ивин готов был к любым неожиданностям, чувствуя себя совершенно спокойно под прикрытием нанятых на него спецсредств, а встречающие его битальцы даже и не подозревали об их наличии: так ловко всё было спрятано и замаскировано.

Дом, занимаемый Хорохориным, находился почти на самой окраине и оказался изящным коттеджем, ничем, впрочем, не отличающимся от соседних. Собственно, дома было два: жилой и что-то вроде оранжереи. Первым делом Ивин, разумеется, заглянул в жилой.

Входная дверь оказалась не заперта, что также было нормой по здешним меркам: битальцы никогда не запирали дверей. Ступая по застланному циновками полу (на сей раз бесшумно), Ивин быстро и профессионально оглядел все комнаты, остановившись, в конце концов, в маленьком кабинете, в котором кроме гор книг, битальских, разумеется, были только письменный стол и пара кресел. На столе также громоздились горы бумаг, среди которых Ивин довольно быстро нашёл то, что ему было нужно. Эта папка лежала отдельно, и, открыв её, Ивин понял, что перед ним что-то вроде дневника: короткие заметки о самых главных событиях дня, находках, кое-какие соображения и прочее. Содержание его мало что дало Ивину, а вот с датировкой и остальным получалась интересная штука. До даты смерти профессора все записи были сделаны его рукой, однако после этого дня записи не прекращались. Кто-то продолжал вести их, и, хотя каждый раз почерк был совершенно другой, Ивин мог поклясться, что автор у них остался тот же: стилистика изложения совершенно не изменилась. Если это писал не Хорохорин, то тот, кто делал это

за него, мастерски скопировал его манеру изложения, прекрасно владея русским, латынью и специальной терминологией, и при всём при этом совершенно не заботился о внешнем виде написанного. Если это и были подделки, то какие-то идиотские.

Закончив осмотр жилого дома, Ивин перебрался в оранжерею.

Это и впрямь оказалось оранжереей, куда Хорохорин стаскивал всё, что собирал в окрестных лесах. Поблуждав среди горшков и банок, Ивин обнаружил здесь ту же странность: на некоторых образцах стояли даты, последующие за днём смерти Хорохорина. Тот, кто писал заметки, оказывается, ещё и продолжал собирать профессорскую коллекцию.

Он уже заканчивал осмотр второго дома, когда заметил, что из первого кто-то вышел. Ивин опрометью бросился наружу, однако к тому времени, когда он добрался до калитки, визитёра и след простыл. Улица была пуста, лишь далеко, в самом её начале маячил удаляющийся трамвайчик. Единственное, что он мог сказать определённо, это то, что визитёр был битальцем. Оставалось только узнать, что тот делал внутри дома.

Ивин вернулся в коттедж и снова обыскал его от порога до самой дальней стены. В обстановке ничего не изменилось, не прибавилось и не убавилось, а вот в уже знакомой папке появилась новая запись, датированная сегодняшним числом. И снова другим почерком.

За домом пришлось установить наблюдение. Свою штаб-квартиру Ивин разместил неподалёку, на соседней улице, в таком же уютном коттедже, целыми днями изучая то, что передавали ему рассованные повсюду микроскопические «жучки». Судя по тому, что он увидел, битальцев с полным основанием можно было назвать народом-загадкой. Вели они себя в высшей степени необычно.

Домохозяйка, стригущая цветочные кусты, вдруг бросала своё занятие, когда перед его домом, на остановке останавливался трам-

вай, занимала в нём место вагонновожатого, а тот, кто вёл вагон до этого, спокойно отправлялся к ближайшему магазинчику, брал заготовленные там кисть и банки с краской и начинал красить крышу. Почтальон, таким же образом, неожиданно становился электриком, а его сумку принимал человек, до этого просто идущий навстречу. И так далее, в том же духе.

Самый поразительный случай произошёл на второй день наблюдений. Малыш лет пяти-шести от роду, увлечённо «пекущий» песочные пироги, закончив очередной, отряхнул от песка ручонки, перешёл через дорогу, вытащил из соседского дома сумку с инструментом, после чего принялся деловито разбирать стоящую перед порогом газонокосилку. Причём сразу было видно, что движет им не простое ребячье любопытство или желание пошалить. Несколькими уверенными движениями, свидетельствующими, что этот тип устройств ему хорошо знаком, он вскрыл газонокосилку, после чего извлёк из сумки тестер и начал тыкать в её внутренности щупами, проверяя целостность электрических цепей. Ивин следил за маленьким битальцем, открыв от удивления рот. Чем закончился ремонт, он так и не успел узнать: возле хорохоринского дома появился очередной визитёр.

Этот тип был облачён в каску, толстую рабочую рубу и нёс с собой небольшой синий чемоданчик. Типичный работяга, идущий по своим делам и что-то напевающий под нос. «Жучки» чётко уловили это мурлыканье, но как только биталец поравнялся с профессорским жильём, пение оборвалось, а самого битальца точно что-то толкнуло в сторону, направив к дому. Промаршировав по дорожке к двери, он зашёл внутрь и направился прямоком в кабинет так, точно это было частью его ежедневного маршрута. Поставив на пол свой чемоданчик, он уселся за стол, подтянул к себе уже знакомую Ивину папку и принялся что-то писать в ней, сосредоточенно хмура тонкие брови.

Пока он покрывал строчками один лист за другим, Ивин успел перебраться поближе к дому, поджидая, когда визитёр двинет дальше. Минут через пять работяга поставил последнюю точку, закрыл папку и так же спокойно покинул дом. Выйдя на улицу, он пошёл дальше, как ни в чём не бывало, опять затянув какой-то мотивчик.

Ивин пристроился следом. Биталец, между тем, дойдя до конца улицы, двинулся напрямик к изгороди. Город был окружён сетчатым забором, чтобы предотвратить попадание внутрь нежелательных гостей из леса, но в нём через каждые сто метров имелись калитки, через которую любой биталец мог свободно войти и выйти за его пределы. Нырнув в одну из ближайших калиток, биталец растворился в зарослях.

Ивин стрелой метнулся за ним, стараясь не упустить битальца из вида. Он так увлёкся слежкой, что совершенно позабыл о таящихся вокруг опасностях, вспомнив об этом лишь тогда, когда оцарапал ладонь о какое-то колючее растение. Царапина, поначалу, показалась ему совершенно пустячной, но через минуту он почувствовал, что его начинает лихорадить. Бросив взгляд на ладонь, Ивин похолодел: порезы приобрели желтоватый оттенок, а кожа вокруг них и вовсе стала фиолетовой. «Яд», — мелькнуло у него в голове. И эта мысль была последней его мыслью.

* * *

Ивин открыл глаза, к немалому своему удивлению обнаружив, что пропальвает грядку, засаженную чем-то оранжевым в синюю крапинку. Кроме этого, он ещё вёл небольшой грузовичок, стоял за прилавком магазина, глазел на проплывающие облака и делал ещё как минимум с десяток других дел одновременно. Это было настолько ошеломляющим, что Ивин невольно вскрикнул. — Ничего страшного, — успокоил его чей-то голос.

— Что это? — Ивин попытался подвигать одной из своих многочисленных рук и ног, но, хоть и чувствовал

их, у него так ничего и не получилось. Те тела, в которых он был, подчинялись кому-то другому.

— Вы имеете в виду того, в ком мы с вами сейчас находимся? — уточнил голос. — Это ваш новый носитель. Точнее, один из ваших новых носителей.

— Носителей? — охнул Ивин.

— Ну да. Часть вашего сознания находится в мозгу одного индивидуума, другая — в другом, и так по кусочкам, в разных телах. Перенос и фрагментация сознания. В высшей степени удивительнейшее явление. Никогда не думал, что здесь, на Битали, это распространяется и на людей.

— На людей? — переспросил Ивин. — Так вы не местный?

— Как и вы.

— Борис Хорохорин! — воскликнул Ивин. — Вот так дела. Что с вами случилось?

— То же, что и с вами. Вы, как я понял, налетели на рипповую колючку, необычайно ядовитую. Я умудрился попасть в гнездо пиканосов. Исход и того, и другого, как видите, один.

— Выходит мы с вами оба мёртвые?

— Телом — да. У битальцев так: ты жив, пока живо твоё сознание. Тело лишь временное его прибежище. А поскольку после смерти одного тела сознание переносится во множество других...

— То и каждый из них бессмертен, — закончил Ивин. — Так вот о чём толковал Птол, когда утверждал, что вы не умерли. Мог бы и объяснить...

— Для них это настолько естественно, что ему, скорее всего, даже и в голову не могло прийти, что может быть как-то иначе.

Ивин потрясённо покачал головой, что, впрочем, никак не отразилось на движениях тел, в которых он находился.

— Что же теперь делать?

— На Землю нам дорога заказана, — сказал Хорохорин. — Остаётся жить здесь. С учётом нашего нынешнего состояния, конечно. У меня, например, дел по горло.

— Но у вас же нет тела, которым вы могли бы управлять!

— А вот и неверно, — улыбнулся профессор. — У нас с вами их по полтора десятка, как минимум. Одно из них стало для нас с вами общим. Пользоваться ими будем и мы, и другие, подобные нам, но только с согласия доминирующей личности. То есть личности, которая развилась в процессе роста данного тела. Она — главная его хозяйка.

— Так вот в чём дело, — понял Ивин. — А я-то думаю, почему это местные ведут себя так странно.

— Обычная временная смена управляющих личностей. Кстати, забыл спросить, а вы-то кто? Тоже экзобиолог?

— Я Сергей Ивин, сотрудник Комитета по контактам. Прибыл расследовать обстоятельства вашей смерти. Хорохорин расхохотался.

— Вот вы и выяснили их.

— Да, но нужно отправить отсчёт в Центр...

— Это просто. Первое, что надо сделать, это спросить дозволения у

доминирующей личности тела, которое вам в данный момент больше всего подходит. Это просто.

Это действительно оказалось просто. Через минуту, получив право распоряжаться одним из «своих» новых тел, Ивин бросил разглядывать облака и направился к своему челноку. Оказавшись в знакомой обстановке, он уселся за стол, пододвинул к себе клавиатуру и принялся писать отсчёт о своей командировке на Биталь. тм